

Воды памяти Коричневой реки

Всем им - ограбленным, оболганным и страдавшим, как сгинувшим, так и выжившим в страшное лихолетье посвящается.

Долго собирался написать это, долго думал - а стоит ли? А поймут и почувствуют на этих малых, но конкретных примерах, какая страшная трагедия свалилась на наших дедов, прадедов и родителей, и что она принесла? В последние годы поднялась новая волна спекуляции на тему прогрессивности, необходимости и гуманности советской власти, о мудрых вождях. И если власть была так гуманна, а вожди так мудры, почему созданное ими государство вмиг развалилось на куски, почему вместо демографического скачка, прогнозируемого ещё в самом начале XX века гениальным Менделеевым, мы получили демографическую яму и стремительную убыль населения? Конечно же, не стоит идеализировать ту, старую Россию. Там было много противоречий, косности, отсталости. Но страна постоянно развивалась, эволюционизировала, тянулась за Европой. Общество требовало реформ, робкое начало их было положено после событий 1905 года. Несомненно, не вяжись Российская империя, обладавшая и без Балкан и черноморских проливов всеми необходимыми для развития экономики и общества ресурсами, в совершенно не нужную ей I Мировую войну, история бы пошла по- другому. И случилось то, что случилось.

Уже с падением политического надзора КПСС стало широко известно, что вождь мирового пролетариата, сидя в Женеве, вдали от невзгод воюющего государства, в октябре 1916 года сокрушался: "В России никогда не будет революции"! Правда, в январе 1917 года он в кругу своих единомышленников, таких же страдальцев на чужбине - "пламенных революционеров" пофантазировал, что, возможно, их дети увидят русскую революцию.

Но вот вопреки всем прогнозам сначала в 1917 году полыхнул февраль, а затем, после устроенного хаоса, идиотизма и откровенного предательства случился и октябрь. После всех этих событий гражданская война просто была неизбежна. Как бы ни было, каковы тому причины и почему, но после кровопролитной резни, эпидемий и массовых репрессий со стороны

"победившего пролетариата" победа осталась за большевиками. И напрасно большевики и их последователи - необольшевики обвиняют в этой войне Антанту и подчинённый ей Чехословацкий корпус, восстание которого якобы прервало мирное шествие советской власти (Кстати, а Скоропадскому и Краснову, которые опирались на германо-австрийские войска, запущенные по Брестскому миру аж до Ростова-на-Дону тоже помогала Антанта? А ведь именно с приходом немцев и возникла Добровольческая армия Деникина, ярого приверженца "союзников". Но боеприпасы и вооружение поклоннику Антанты почему-то поставляли ему Скоропадский и Краснов из переданных им немцами складов бывшей Русской императорской армии, а не Антанты).

Да побудь Сибирь, Урал и Поволжье под властью "мирных и справедливых" большевиков подольше, рвануло бы немного позже, но сильнее и страшнее - пример тому массовое выступление в 1921 году в Западной Сибири, когда после недавно установившейся "рабоче-крестьянской" власти вместе поднялись вчерашние враги - красные партизаны и белогвардейцы. И в Восточной Сибири появились антиправительственные отряды, И о, ужас в самой Центральной России на вооружённую борьбу с коммунистами поднялась вся Тамбовская губерния. Локальные крестьянские выступления с января 1920 года происходили по всей крестьянской России. Но особенно страшным и пугающим было прогремевшее в феврале того же года Кронштадтское восстание. И напрасно Ленин с Троцким пели о том, что они чуть-чуть не успели заменить продрозвёрстку на продналог, а этим воспользовалась буржуазная агентура, и де контингент гарнизона Кронштадта поменялся, вместо "буревестников революции" на их место прибыли недавно мобилизованные несознательные новобранцы. Но костяк и гарнизона, и конкретно флотских экипажей составляли именно ветераны всех предшествующих братоубийственных событий - "буревестники революции". Именно они, прибыв делегацией в Петроград в конце февраля узнать, почему бастуют рабочие, увидели окружённые войсками бастующие фабрики и услышали правду о положении "освобождённого пролетариата". Мало того, почти все матросы были выходцами из деревни, и получали оттуда письма. Ну а действительно недавно прибывшие солдаты-новобранцы и сами были свидетелями происходившего на селе. Перепуганная новая власть с жестокостью подавила Кронштадтское восстание, как затем и все другие восстания 1921-22 годов. Ведь в ходе Гражданской войны была создана и отлажена

громадная Красная армия, был организован безжалостный репрессивный аппарат в лице ЧК, ревтрибуналов, отрядов ЧОН, возникла новая плеяда чиновников, целиком своим положением обязанных новой власти. И побудь под этим "мирным шествием советской власти" население страны подольше, ещё не известно как бы развились события, когда малочисленная и недисциплинированная Красная армия строилась на добровольной основе. Но случилось то, что случилось. И большевики учились быстро. Полиция, жандармерия исчезли в течение нескольких дней ещё в феврале 1917 года. Деградировавшая к началу XX века аристократия разбежалась немного позже. Буржуазия, дворянство, интеллигенция, проживавшие в основном в городах, были сломлены голодом и террором в ходе Гражданской войны. Офицерский корпус, понёсший в ходе мировой бойни невосполнимые потери старого кадрового состава, во многом оказался инертен, часть его принудительно, под угрозой расстрела семьи, а часть добровольно, пошла на службу в Красную армию. Значительная часть офицерства в начале Гражданской войны была поставлена на учёт, а потом просто расстреляна - так, на всякий случай. И лишь самые активные и понявшие ситуацию пробивались на окраины государства, где и были созданы Белые армии. Но белогвардейцы, поддержанные значительной частью казачества и отчасти наиболее понятливыми крестьянами и даже потомственными высококвалифицированными рабочими (например, в Поволжье и на Урале) оказались в меньшинстве против захвативших власть большевиков.

Можно долго рассуждать о том, почему антибольшевистские силы потерпели поражение. Партия Ленина и Троцкого победила, но чувствовала себя неуверенно. Белогвардейские и националистические формирования разбиты, но осталась громадная масса крестьянства, к которому после отмены сословных привилегий и обязанностей стало относиться и служилое в прошлом казачество. Крестьянин - по сути своей мелкий собственник - хотел земли, право свободно работать на ней и самостоятельно пользоваться плодами своего труда, продавая произведённую продукцию по справедливым ценам на рынке. Уж если в ходе Гражданской войны рабочие разочаровались в бредовой коммунистической идее, то крестьянину всё это было глубоко чуждо и даже враждебно. И после введения продналога и объявления новой экономической политики крестьяне были вздохнули свободно, но ненадолго. Государство, возглавляемое дилетантами, не могло обеспечить деревню необходимыми товарами, не могло дать приемлемую

цену за произведённую сельхозпродукцию. Наоборот, мелкий производитель мешал, не хотел идти в полностью подчинённые власти сельскохозяйственные кооперативы, получившие гордое название "колхоз", не был полностью охвачен партийным и государственным контролем. Да и деньги требовались для индустриализации, направленной прежде всего на повышенную милитаризацию государства. Ведь недаром во время подавления Кронштадтского восстания Ленин сказал: и "Это мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем ещё такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве". И поэтому необходимо было срочно уничтожить крестьянина как мелкого частного собственника, а наиболее самостоятельных и непокорных удалить из родной среды обитания, а зачастую и просто уничтожить физически. Ну а остальных загнать в колхозы без права их покидать, предварительно изъяв у крестьянина все основные средства производства - землю, скотину, сельхозинвентарь. Вновь появились идиоты, которые с восторгом рассуждают о том, сколько полезна была коллективизация, как от этого окрепли сельское хозяйство и экономика в целом. Ну а село якобы практически не пострадало. Так, выселили кулацкий элемент, но этому вредному элементу же создали все условия для проживания и перевоспитания в новых местах. Смертность была высока среди раскулаченных и высланных? Врут злопыхатели! И невдомёк идиотам, которые сочиняют страшные сказки о кулаках-мироёдах, что это явление было характерно прежде всего для нищего и при царях нечерноземья, да и там классический кулак не имел большой власти. Это при комбедах (комитетах бедноты) то!

Но повод был найден, команда дана, и закипела работа! С 1928 года и по год 1933 прошли "революционные преобразования деревни" по созданию колхозов, начались массовые выселения несогласных, да и согласных кстати тоже. Не только богатые, но и просто крепкие селяне назначались кулаками, всё имущество, вплоть до носильной одежды, отбиралось. Как полагалось в плановом советском хозяйстве, районам нужно было дать установленный процент раскулаченных и высланных, и даже постараться перевыполнить его. Бывали анекдотичные случаи (если это применительно к обстановке),

что за неимением подходящих кандидатур ссылались первые попавшиеся сельские забулдыги. Но, конечно, основной массой раскулаченных и высланных были наиболее хозяйственные и трудолюбивые семьи. И потянулись казённые подводы, товарняки и баржи в Архангельскую губернию, северные районы Урала, в отдалённые районы Сибири. Ссылались всей семьёй, с малолетними детьми. Разрешалось взять то, что могли унести. В неизвестность шли самые трудолюбивые, умелые. Большинство из них никогда, кстати, не пользовались наёмным трудом. После водворения в глухомань ссыльные, по сути, бросались на произвол судьбы - продуктов минимум, инструментов и инвентаря минимум. Выживите - и хорошо, а подохните - так врагов советской власти и не жалко. Врачебной помощи никакой. Только ревностная опека зверей из комендатуры.

Смертность, особенно детская, была жуткой. Голод, холод, иной климат, побои, сопутствующие всему этому болезни безжалостно косили ряды ссыльнопоселенцев. Каков процент умерших, каков процент неродившихся - пойдёшь сейчас посчитаешь. Ущерб и экономике, и особенно генофонду, был нанесён страшный, невосполнимый.

Положение стало немного полегче после войны, ведь перепуганный "вождь всех народов" потребовал, чтобы осенью 1941 года на защиту Москвы призвали славянское население Сибири, невзирая на социально-политическое положение мобилизованных. И воевали ссыльные в основной массе своей стойко и мужественно, выжившие пришли с боевыми наградами, и отношение к ним уже не могло быть таким, как прежде.

Ну а после смерти "вождя" потихонечку, без помпы и шума, были ликвидированы комендатуры, и бывшие ссыльнопоселенцы уравнились в правах с остальными гражданами страны. Кто-то уехал на родину, ностальгируя и надеясь обустроиться, кому-то ехать уже вовсе было некуда, а кто-то просто прижился на новом месте - чем в колхоз, в новое беспаспортное крепостное право уезжать на трудовые, лучше работать на местном предприятии, и за рубли.

Посёлок Новый Васюган был образован в 1933 году на высоком песчаном правом берегу таёжной хантыйской реки Васюган, на месте традиционного ритуального захоронения окрестных хантов (или, как их традиционно звали раньше, остяков). И название имело это кладбище соответствующее, в переводе с хантыйского Могильный Яр. В 1939 году Новый Васюган был

преобразован в райцентр печально известного Нарымского округа, центром которого был город Колпашево, в котором находились не менее известные колпашевская тюрьма и управление НКВД округа. Река Васюган была выбрана местом ссылки не случайно, протекающая среди громадных болот с редкими лесными гривами, она оказалась идеальным местом для водворения спецпоселенцев. Бежать оттуда, как бежали ранее с таёжных районов Кузбасса и обских районов Нарыма, было почти невозможно. И украсился бассейн "Коричневой Реки" (буквальный перевод с хантыйского Вас-Ёган) ожерельем посёлков ссыльнопоселенцев, из которых тут же спецкомендатурой создавались колхозы. О высокой производительности этих колхозов говорить конечно не приходится. В благоприятных для сельского хозяйства районах колхозы "почему-то" не могли достичь старого, доколлективизационного уровня производства сельскохозяйственной продукции, ну а чего ожидать от отощавших, брошенных на страшное комарье людей, которых заставляли работать на небольших участках суши, окружённых ржавой болотной водой? Хотя люди эти были высланы на спецпоселение из самых крепких сельскохозяйственных районов страны - Алтая, Иртыша, Кубани и Украины. Люди хозяйственные и работающие, при первой же возможности, после "разоблачения культа личности" и XX съезда КПСС стали строить себе добротные дома с обязательными огородом и палисадником, обзаводиться живностью - обязательной коровой, свиньями, курами. Косить приходилось в основном на заливных лугах вдоль обмелевшего Васюгана, на оводах, гнусе и комарах. Но и вывозить потом на спаренных неводниках (здоровенных лодках), застелённых оглоблями, было удобно. Часть семей потянулось на родину, ностальгируя и надеясь начать всё сначала. Другая часть прижилась и осталась - куда ехать, когда там ничего нет, да и как примут... Впоследствии, правда, престарелых родителей забирала разъехавшиеся и выучившиеся дети.

В 1959 году ликвидировали и ставший ненужным Васюганский Район, объединив его с Каргасокским районом. Те из ссыльных, кто не разъехался, из мелких посёлков стали постепенно перебираться в Новый Васюган и в Средний Васюган, другой крупный посёлок, лежащий по течению ниже. Опустевшие здания администрации Васюганского района с прилегающими к ним участками были перепрофилированы под местные нужды: уютное здание прокуратуры стало детскими яслями, недавно отстроенные вместо старых здания районной милиции и МГБ были отданы первое под

библиотеку, а длинное П-образное райсовета - под специнтернат, в который свозили детей с отсталостью развития не только с Томской, но и с других областей. Но со второй половины шестидесятых специнтернат из посёлка перевели, и в бывший райсовет перевели интернат народов севера, куда селили и старшекласников из посёлков, где не было десятилетки.

И наконец здание райкома! Конечно же, оно резко выделялось архитектурой от остальных просто больших деревянных домов. За обязательной оградой из штакетника удивлял глаз особняк в стиле "небогатый помещик средней полосы России XIX века". Большое деревянное одноэтажное здание с широким крыльцом и козырьком над ним, который подпирали четыре крашеные в синий цвет колонны из брёвен могучих сосен сразу должно было показать, что здесь находится самое высокое начальство района. И отдали здание поселковому детскому саду, который до того ютился в двух деревянных обыкновенных домах. А вся советская власть в лице председателя сельсовета, секретаря сельсовета и участкового милиционера уместились в одной свежестроенной пятистенке. Замечательный пример оптимизации кадров.

В новый детсад, расположенный на другом конце от нашего дома самой длинной Советской улицы, посчастливилось целый год перед школой ходить и мне. Спальню нашей старшей группы украшали две большие картины, оставшиеся детсаду в наследство от райкома. Первая - "Ленин призывает к вооружённому восстанию". Вторая - портрет товарища Сталина с большими погонами и блестящими пуговицами. Культ личности на XX съезде осудили, но снимать портреты пока опасались. Да и сам "великий вождь" ещё лежал в мавзолее, вынесли его в 1961 году, уже после XXII съезда.

Уже будучи школьником, водил в этот детсад и своего младшего брата. В середине шестидесятых годов в июле месяце отвёл брата и шёл обратно. На крыльце сельсовета, располагавшегося посреди пути от детсада до дома, шум. Смеялись несколько мужчин, им что-то доказывал местная знаменитость, дед Лисняк. Сослан он был в весьма зрелом возрасте аж из Каменец-Подольской губернии, и славился своей исключительной скупостью, служившей причиной многих баек о нём. Но характер у старика был добродушный. Добротный дом его с подворьем располагался на соседней улице. Когда я здоровался с ним, отвечал, переиначивая мою фамилию на западноукраинский манер - а, здравствуй, Зинчук! В то время

мы покупали молоко у родителей моего школьного друга Вовки Сысолятина, кстати соседей деда. Прежде чем идти с молоком домой, занялся чем-то с другом. Тут подошёл его отец, работник местного узла связи дядя Митя, и мясь рассказал домочадцам - с утра дед Лисняк в сельсовет жаловаться прибежал. С дедом Петько покос не поделили. Петько, угрожая литовкой, загнал Лисняка по грудь в чувор (чувор - старица по хантыйски). Мы ему - да что, дед, убил бы он тебя, что ли! А дед нам - кто, Петько? Петько вин такой, вин и убье, вин белогвардейский охвицер!

Петько, крепкий старик с окладистой бородой, действительно служил прапорщиком в армии Колчака. Мои родители, несмотря на разницу в возрасте, были очень дружны с соседями через дом стариками Степановыми, дедом Андреем и бабой Нюрой, сосланными с Иртыша. Дети их по окончании школы разъехались, выучились и работали кто в Омске, кто далее. Но приезжали регулярно, тогда радостные родители собирали гостей, и моих родителей тоже. Приглашалась и чета Петько, и господина прапорщика уговаривали спеть на пару с моим отцом, который имел великолепный голос, старинные казацкие песни. Пели - куда там современным псевдонародным академическим хорам, душу выворачивало. На память о Петько, который одряхлев уехал к детям, остался сработанный им по заказу моей матушки сундук, который и сейчас стоит у меня в прихожей.

Служил у Колчака и дед по матери моего закадычного школьного друга Серёги Вековцова, кадровый старший унтер-офицер. В I Мировую он был инструктором, готовил маршевые сибирские батальоны. У Колчака занимался тем же, на фронт не отправили. По приходу красных его таскли конечно, перечислили даже выданное ему оружие - шашку, винтовку, наган и даже браунинг (многовато получил, но наверняка дружил с заведующим оружейного склада, набрал про запас). Браунинг пытался "зажилить", но его ткнули в книгу выдачи оружия его части. На удивление до раскулачивания больше не беспокоили. Был кадровым старшим унтер-офицером и дед второго школьного друга, Саньки Егоренко. Дед его, из коренных крестьян области Войска Донского, воевал на германском фронте. В 1918 году был мобилизован Красновым, воевал под Царицином. После неудачи и развала Молодой армии атамана вернулся домой, но в 1919 году был мобилизован уже в РККА и служил до конца войны. Что поражало в этих дедах - это их выправка. Высокие, поджарые, прямые как гвоздь и с развёрнутыми плечам,

они заставляли остановить на себе взгляд. И даже когда время стало неумолимо тянуть их тела вниз, их былая выправка была заметна. Много приходилось видеть современных мне кадровых военных, но совсем не то... Помню и статного старика Поповича с лихо закрученными белыми от седины усами, казачьего вахмистра. А когда по какому-нибудь случае сосед, старик Воронков, облачался в шаровары с лампасами и шествовал в располагающую мимо своих стайки и бани в конец усадьбы, на которой располагались промхозовские конюшня и хомутовка, кто-нибудь из родителей звал меня полюбоваться на это зрелище - казак идёт! От конюшни к улице был устроен из жердей узкий проход для вывода лошадей, чтобы не топтать огород с картошкой. Конюхами были Воронковы, старик и проживавший вместе со стариками сын с семьёй. Воронковы, как и проживавшие на другом конце посёлка Прудниковы, доводились маме дальней роднёй, были из одного большого алтайского клана, все двенадцать фамилий она называла навскидку. В середине шестидесятых Воронковы все уехали, усадьба несколько раз меняла своих хозяев, предпоследними была семья Кочневых, глава которой в восемнадцатилетнем возрасте служил в войсках Колчака.

А наискосок от нашего дома через дорогу под высоким тополем стоял нетипичный для местной архитектуры дом. Вытянутый вдоль, он был покрыт дранкой и оштукатурен. Обязательные резные наличники также были наособицу - все венчались двумя отвернувшимися друг от друга чёрными тетеревами. И забавно было смотреть иную осень, когда на тополь садился залетевший из тайги живой тетерев. Жили там старики, дед Тимофей и баба Настя Мартыновы. Дети их давно обзавелись своими семьями и жили в разных концах посёлка. Особенностью стариков было то, что говорили они на суржике - смеси русского и украинского языков, хотя раскулачены и сосланы были из казачьей станицы Прииртышья. Видимо, из первого отдела, где много было переселённых из полтавщины и черниговщины и включённых в Сибирское войско казаков. Уже в конце семидесятых один из их старших внуков рассказывал мне при встрече в Томске, как баба Настя в конце шестидесятых, перед проводами его в армию, спрашивала - Юрик, ты в казаки пойдёшь служить, чи в солдаты? Ведь мать его была казачкой, а какие сейчас в армии порядки - откуда старухе знать. Дед Тимофей тоже иногда, почему-то именно во вьюжные февральские дни, облачался в казачьи шаровары с лампасами и выходил по ряму (рям - снежный наст по

хантыйски) на начинавшийся за усадьбой обрывистый берег Васюгана и долго смотрел куда-то вдаль...

Однажды летом в начале семидесятых годов, отбив студенческую практику, приехал я на каникулы к родителям. Как-то раз выхожу из калитки, а мимо меня куда-то метелят два гулевана - мой брат и его друг Лёха Мартынов. Если Лёха младше моего брата был на два года, то меня на целых девять, но на удивление он был закадычным другом не только с братом, но и со мной (к сожалению, был, потому что несколько лет назад этот весёлый и общительный человек неожиданно скончался). У обоих под рубашками подозрительно отдуваются животы. - Что попрятали, проходимцы - кошусь я на них. - Да так, вещи ненужные - отвечают "проходимцы" дуэтом, и прошмыгивают мимо меня. - Опять во что-то играют - мельком подумал я и надолго забыл про этот случай. Напомнили мне они об этом оба, когда стали уже взрослыми. -А помнишь, как мы с оттопыренными рубашками шли, и ты спросил, что там? -Ну припоминаю, а что? -А что дом деда Тимохи и дом Воронковых тогда пустые, на продаже стояли, помнишь? Ну мы и полазили по старым брошенным сундукам, ведь приключение! У Мартыновых среди прочей старой одежды нашли лёхина деда шаровары с лампасами и вышитую рубашку, и в воронковском сундуке тоже шаровары с лампасами. - А что же не сказали и не показали? - Так ты бы сразу забрал, а так не интересно, ведь ребяташками были. Мимо тебя - и на берег, а там в стрижиные гнёзда засунули. А потом искать стали, и не нашли - у стрижей-то помнишь сколько гнёзд было - весь яр в них был. Хоть давно было, но все равно обидно, попенял я им - охламоны, такой раритет угробили, у меня бы и сейчас всё цело было! - Ну так понимаем, мы и хотели потом тебе отдать, так уж сказали - не нашли... Самим до сих пор жалко...

Но была одна даже на фоне остальных ссыльных интереснейшая личность. Помню как сейчас. Солнечный весенний вечер, мы с другом Серёгой Вековцовым идём со школы домой, нам по дороге. Навстречу нам шествует высокий подтянутый старик. Руки заложены за спину, одет в широченные тёмно-синие галифе, заправленные в кирзовые сапоги, короткое поношенное пальто и цегейковую шапку с хромовым верхом. Несмотря на столь скромную одежду и залихватские галифе вид его невольно вызывает уважение. Мы с ним здороваемся. - Здравствуйте, отвечает он, - откуда идёте? - Со школы! Ха, со школы! Поздновато! - Так мы с консультации, в июне ведь экзамены - отвечаем ему. - Молодцы, учитесь, а

потом поступайте в военное училище, будете офицерами, как мой сын и как Бревнов! - следует ответ, и старик продолжает свой путь. Это никто иной, как легендарный дед Щербина, Антон Данилович. Весь посёлок знает, что он - белый офицер, и не прапорщик, как Петько, а повыше. Прапорщиками-то нас не удивишь, были кроме Петько и другие, ещё с I Мировой, как дед Горчаков, переживший издевательства и страшный голод австрийского плена. А уж какой импозантной фигурой был тоже один из плеяды прапорщиков военного времени, Казим Алимович! Одевался он как Щербина, те же самодельные необъятные галифе, такая же шапка, сапоги. И были они друзьями. Как сейчас помню такой случай. Наша небольшая улочка заканчивалась спуском к Банному озеру. Почему Банному? На берегу его располагалась отменная большая рубленая баня с женским и мужским отделением, великолепными парилками и даже импровизированным буфетом, в котором кроме билетов продавались и квас с морсом, освежиться после мытья и пара. Казим Алим оглы Пишмач, как официально звали старого черкеса, в основном мылся в частной бане у знакомых, своих бань в посёлке было много. Но иногда мылся и в промхозовской, как в описываемый случай. Я помылся и одевался, распаренный дед Казим после парной отдыхал на скамеечке. Один из мойщиков, разговаривая с ним, спросил - Казим Алимич, а как там твой друг Щербина? Старик возмущённо вздохнул - Э, старый дурак! Водки разве столько разве можно! Старый, а пил! Пришёл, а он лежит, в избе холод, печь не топил, не ел. Ой помираю, ой помираю. Печь топил, варил, его кормил. Жри, не пей! Живой стал. Старику так пить нельзя! Несмотря на преклонные годы Казим Алимович строен, сух, поджар. На точёном строгом лице хрящеватый с горбинкой и оттянутой вниз мочкой нос. Классический черкес. Он ссыльный уже второй волны. Перед войной массово ссылали из Кавказа, Молдавии, Прибалтики, Карелии.

Была ещё одна интересная группа ссыльных - турецкие офицеры, взятые в плен ещё в I Мировую войну. Как-то у меня зашёл разговор с отцом, с шестнадцати лет и до пенсии, с перерывом на армию проработавшим бурильщиком глубокого бурения. Бурил он буквально с Крыма до Нарыма, а затем создали новую экспедицию на перспективном Васюганье. - Помнишь ведь первую буровую рядом с посёлком, ты мне обеды носил? Я хмыкнул - как же не помнить! Буровики-первопроходцы были народом весёлым, компанейским, встречали меня улыбками и даже снимали со стены бытовки и давали подержать висевший там на брезентовом ремне немецкий автомат.

Взводили на довольно тяжёлом для дошкольника оружии затвор и разрешали надавить на спусковой крючок. А что! Патроны давно расстреляны, положение об обязательном наличии в геологических партиях боевого оружия отменено, а нарезной автоматический ствол всё висит на стене. Уже через двадцать лет я случайно узнал от заведующей складом, что буквально пару месяцев назад зашедший попросить какую-то железку участковый случайно пнул брезент, а под ним - пистолет-пулемёт в полной исправности, слава Богу без патронов. На вопрос откуда он, она ответила - а леший его знает, нигде не числится, но при передаче склада неукоснительно передаётся от кладовщика кладовщику. Участковый был человеком опытным, тёртым и умным, велел кладовщице молчать, а старый трофейный пистолет-пулемёт забрал и утопил его в речке.

Но вернёмся к основной канве повествования. - Так у нас там сторож был, старик турок злой - продолжил отец - был младшим офицером турецкой армии. Всё хвастался, мол я в войну много русских зарубил. - Как же не помнить, смеюсь в ответ - помню, в сиих галифе ходил, всё что-то бурчал.

Но помню я ещё одного турецкого офицера. Наша Береговая улица отходила от центральной Советской, и на этом перекрёстке слева, напротив территории интерната народов севера, под старой лиственницей, стояла маленькая, но добротная, срубленная на совесть избушка. И в избушке этой жил весьма древний, но подвижный, согнутый временем старичок. Носил он классическое турецкое имя Осман, и пробивался тем, что делал деревянные лопаты для уборки снега. И имел он чин турецкого полковника. Это не шутка. Взятые в плен на Кавказском фронте турки этапировались в лагеря, организованные для них в Средней Азии. После сумятицы Гражданской войны кто-то сумел уехать на родину, кто-то нет. Ну а перед Великой Отечественной их на всякий случай выселили подальше, в Средней Азии действовала германская резидентура, ждали удобного случая уцелевшие участники басмаческого движения. Старичок этот был дружен с Казимом, вероятнее всего полковник также происходил из черкесов. Ведь общеизвестный факт - черкесы-мухаджеры (переселённые в Турцию по окончании Кавказской войны черкесы и их потомки) составляли значительную часть офицерского корпуса Османской империи последних десятилетий. После смерти старого полковника в 1966 году невозмутимый Казим Алимович сильно разволновался, бегал в сельсовет. Помню, с уроков вызвали моего одноклассника Ванюху Савченко. К слову, несмотря на

фамилию, был он представителем кондового кержацкого рода, одна половина которого носила фамилию Седельниковых, а вторая Савченко. С приближением "антихристов" кержаки в двадцатые годы добрались аж до Васюгана, но цивилизация настигла их и здесь. К описываемому времени васюганские кержаки прошли фронт, пили, курили и чихали на бороды и битьё поклонов. Потом он рассказал, что участковый расспрашивал, знает ли он, куда собирались уехать внезапно улетевшие из посёлка дочка Османа и женатый на ней дядя Ивана. Позже узнали, что старый турецкий полковник хранил золото, общее, его и Казима. Сколько его было, откуда оно, как удалось сохранить и провести через многочисленные пересыльные пункты - загадка.

В шестидесятые годы значительная часть месхетинцев, лазов, других представителей высланных народностей эмигрировали в Турцию. Многие имели турецкое подданство, либо просто не имели гражданства. Как сейчас помню - осенью 1976 года вышедший со мной покурить учитель физики Халев Павел Петрович, бывший старше меня лет на шесть (я тогда три года по окончании университета отработал в родной школе), хмыкал и повторял - Ха, Куркульчи в Турцию уехал! Куркульчи! В Турцию уехал! - Да что ты про этого Куркульчи заладил, кто он такой - спросил я его. - Мы с ним в одном классе учились, приняли его в комсомол, а тут прилетает из Каргаска секретарь райкома комсомола - да вы что сделали, ведь у него же турецкое подданство! Исключайте быстро! Ну и исключили. А он жил в посёлке под Каргаском, а сегодня мне сказали - в Турцию эмигрировал!

На удивление уехал и Казим. Аж в 1979 году, будучи глубоким стариком. Но ни мухаджиром, ни турецкоподданным он не был. Воевал на германском фронте, в "Дикой" дивизии, в чине прапорщика. На официально широко распропагандируемую Кавказскую туземную дивизию (как же, родной брат самого падишаха командует, великий князь Михаил) во фронтовых кругах было много нареканий. Но не на Черкесский полк, лихо ходивший в конные атаки и отмеченный за действительные, а не выдуманные подвиги. Этим же чином Казим Алимович прошёл и всю Гражданскую, в Черкесской дивизии I Кавказского корпуса. В замечательных мемуарах кубанского казачьего полковника Фёдора Ивановича Елисеева упоминается о встрече им во время боёв с красными на Кубани трёх офицеров-черкесов, ротмистра и двух прапорщиков. И отмечает, что ротмистр был интеллигентным кадровым офицером, а двое других, очень плохо говоривших по-русски, были

произведены в прапорщики во время войны благодаря знатности рода, и им беспрекословно подчинялись соплеменники. И выше прапорщика они не повышались. Так что вполне и возможно, что одним из двух этих прапорщиков был черкесский уздень Казим Алим оглы Пишмач. Для работы в комендатуре и других учреждениях Васюганского района привлекались грамотные специалисты и просто грамотные из ссыльных - бухгалтера, учётки, писаря. Это было традиционно для карательной системы НКВД. И дёшево, и специалистов издалека завозить не надо. Один из таких привлечённых работал по окончании школы (как же, советская власть заботилась и о кулачатах, семилетка, а потом и десятилетка в райцентре была) писарем в спецчасти, перебирал и сортировал дела сосланных; тем более особых секретов в этих делах не было. Так вот, он рассказывал, что в деле у старого прапорщика была записана интересная деталь - при его аресте и обыске в доме у него была обнаружена буквально целая коллекция различных винтовок. Обнаружь такое не у горца и не в горах - что там лагеря, расстреляли бы, и не одного. Но к кавказским горцам относились относительно мягко, страсть их к оружию считалась национальной традицией и поэтому "коллекционер" был только сослан в места весьма отдалённые. Старики рассказывали, что первые годы он по-русски ничего не говорил, так, отдельные слова. А любимым изречением было: "Твоя жизнь - моя жизнь - ружьё". Жил он одно время в ссылке с красавицей эстонкой, а та, когда отменили комендатуру, бросила его и уехала на родину, украв бывшее у Казима золото (вот тут и не поверь, что старик был не из авторитетного и влиятельного рода; явно было и хранил отдельно, коль вторую часть украли уже в 1966 году). С женщинами больше он не связывался, но имел массу приятелей, особенно среди переживших ссылку. Как-то, будучи старшеклассником, был командирован в промхозовский магазин за хлебом. Продащица тётя Тася Соснина, тоже из ссыльных, что-то вспоминала с облакотившимся о прилавок Казимом. Передо мной в бывший до этого пустой магазин зашёл некто Шарманов, высланный на Васюган вместе с несчастными женой и детьми уже в середине шестидесятых годов. Попавший под хрущёвский указ о сокращении вооружённых сил, бывший штурман ВВС Шарманов быстро спился, опустился и потерял человеческий облик. Была тогда, в шестидесятые года, практика - выселять тунеядцев, алкоголиков и прочий нетрудовой элемент из центральных городов и районов на окраины страны. Количество этих административно высланных, по сравнению со старой ссылкой, было весьма невелико, но местных

жителей это отнюдь не радовало. Мы мол здесь живём и честно трудимся, новосёлы приезжают для работы в геологии, а нас ставят на одну доску с отребьем. Это, конечно, была не сталинская ссылка, и любители вольной жизни, за редким исключением, быстро разбежались. Но Шарманов немного задержался - семью, удивительное дело, не бросил.

Так вот, подойдя к прилавку с зажатыми в кулаке деньгами, Шарманов, трясясь от похмельного нетерпения, крикнул - А ну, турок, отойди! Казим Алимович, не меняя позы и не поворачивая головы - только глаза блеснули в сторону алкаша, с клёкотом, гордо и презрительно произнёс - Я ны турок, я тшеркес! Бывший лётчик, замолчав, резко отпрянул. Тётя Тася, молча протянула руку, взяла деньги, сунула ему бутылку и махнула рукой на дверь - проваливай мол, позор рода человеческого.

Захаживал Казим Алимович и в ветучасток, вернее к Карташовым; Михаил Яковлевич, перед фронтом закончивший сельхозтехникум, был ветеринарным фельдшером, а его жена тётя Маша санитаром. Большая просторная сибирская пятистенка, казённая квартира, служила и как бы приёмной, а сам участок для лечения располагался рядом. На скотном дворе кроме стайки с хозяйской живностью находилась и конюшня с мерином для езды на вызовы и для других хозяйственных надобностей. С лучшим другом моей юности Серёгой, старшим сыном Карташовых, не раз пытались разговорить мы славного старика, тем более он видел, что его уважают и легко шёл на контакт - интересно же пообщаться с молодёжью! Но, к сожалению, понять его мешанину из русских, украинских и черкесских слов было трудно - "лучшее лекарство це гарбуз", и дальше непонятно. На вопрос о том, как он воевал в Дикой дивизии, отвечал - Польшам шяшким махал! (в Польше шашкой махал). Но это для него дело было понятное, а вот как всех офицеров всего полка пригласили на званый обед к местному помещику - это событие! В приятной обстановке во время боевых действий вкусно и спокойно поесть - вот действительно впечатляет, а война она и есть война... Но воевал прапорщик лихо. Как сказано выше, доводилось со стаым кавалеристом мыться в бане. В груди его была отметина с пятак, а на спине расцветал как бы большой цветок из выросшей позже молодой кожи - выходное отверстие от винтовочной пули. На правой ляжке, под самым пахом, ещё интереснее - ровный аккуратный шрам в виде буквы Л острым концом вниз, сантиметров по десять каждая сторона шрама. Спросил я об этом у ещё одного друга-одноклассника, Саньки Егоренко, внука того самого

старого унтера, который по очереди и белыми, и красными мобилизован был. Дело в том, что Санька Егоренко был по матери, а отец был Али Трапш, земляк Казима Алимовича, правда значительно моложе его и отлично разговаривавший по-русски. Ну, одноклассник и узнал, ещё и самому интересно было. В сабельной свалке в таком экзотическом месте такую любопытную рану старый рубака заработал. Двое на него навалились, одного он шашкой, а другого одновременно ногой из седла выбил, ну и успел тот его немного достать. Явно не на германском фронте это произошло, как писал классик в "Тихом Доне", таких острых сабель у противников не было.

Любили господа офицеры, Щербина с Пишмачем, коней, чего уж там. И потому любили бывать на казённом ветфельдшерском покосе у Карташовых, ведь к своему мерину дядя Миша брал второго, в промхозе. Казим Алимович верхом не ездил, не давал геморрой, только обихаживал коней да помогал. А Антон Данилович раз даже удивил всех, показав некоторые элементы джигитовки, хотя было ему тогда уже около семидесяти. Благо, на ветучастке было казённое седло казачьего образца со стальными толстого прута гнутыми луками и седельной подушкой. Лошадей они знали с малолетства, ведь все навыки обращения с конём тогда же и начинали передаваться. Раз один промхозовский мерин попался старый больно, своё дохаживал. И вот уже в конце покосной страды, в середине дня, лёг. Лёг - значит поддыхает. А грести сено надо, работы всего ничего. Подошли оба старика, глянули. И сказали - работать будет, но недолго. Взяли ещё не остывший уголёк из костра и вставили мерину под хвост. Тот вскочил, и до конца дня работал. А когда распрягли, лёг и испустил дух.

Мой друг Вадим Ковалёв, инженер-геолог, уже в Томске спустя годы рассказывал мне, как в жаркое лето 1979 года в Ново-Васюганском аэропорту ждала самолёта, незаменимого на местных авиалиниях Ан-2, интересная пара. Глубокий старик, аккуратно, но бедно одетый, и с ним резко бросающийся в глаза на фоне летящих на вахту буровиков в робе и отпускников в лёгкой одежде молодой мужчина в строгом чёрном костюме и белой рубашке с галстуком. Это были Казим Алимович и сопровождавший его представитель турецкого дипломатического корпуса. Сначала из легендарных васюганских болот на Большую землю, а оттуда в Турцию. Родных никого, а друзья и приятели, которые ещё живы, такие же дряхлые как он. Кому он нужен. И что его ждало в Турции... Но видимо что-то ждало,

не зря ему дали визу и за ним приехал представитель турецкого дипкорпуса. Черкесская диаспора в Турции и по сей день велика и влиятельна.

Друг же его Антон Данилович имел сыновей, правда от разных женщин. Младший, как упоминалось выше, окончил военное училище и стал офицером. Старший, от кержачки-староверки, жил в посёлке и работал на буровой. От отца он отличался разительно и внешне, и внутренне. Круглое скуластое лицо, нос картошкой в отличие от сухого горбоносого отца родителя; он постоянно что-то строил, делал, мастерил, умудрялся постоянно, как рассказывали, что-то пилить, шить и заготавливать даже на буровой, в часы отдыха, хотя режим работы всю неделю залёта там был восемь часов работы и восемь отдыха круглосуточно. Конечно и другие вахтовики могли что-то сработать, или ягоды-орехи собрать, если они росли рядом. Но, естественно, без фанатизма. - Мий Витька всё роблить и роблить, як раб - говорил о нём Антон Данилович, истинный потомок сечевиков-запорожцев. Жил он в своём небольшом домике с маленьким огородиком, на котором сажала что по мелочи семья сына. Дом его находился на западной окраине посёлка, на окраинной улочке, за которой сразу начиналась тайга. В отличие от друга Казима braveй казачий офицер любил гульнуть, да и как ещё отвести душу. Но меру знал, и пил не со всеми. Крепко сдружился я с ним уже после окончания учёбы, будучи взрослым молодым человеком, хотя старика знал давно, но о чём серьёзно раньше мог говорить со мной старый и много переживший человек? Родителей моих он знал, я учил его внука Саньку, в общем сдружились, несмотря на разницу в возрасте в более чем пятьдесят лет. Рассказывал он мне много. И удивлялись в посёлке - обычно ветеран Гражданской войны про "преданья старины глубокой" распространялся не сильно - бывало мы мол красных били, а бывало они нас, и всё. А как узнали? Ну, я историк, темой с измальства интересовался, факт был известный. И Антон Данилович со своей стороны отметил родственникам, интересно мол с Серёжей поговорить, многое уж забывать стал, а ему рассказываю. Родство душ получилось, прямо по известному рассказу О Генри.

Старики конечно же вспоминали былое, собирались, переживали прошедшие события. Неприятие и непонимание произошедшего в стране в семнадцатом году, вырванная у России буквально из рук победа над австро-германо-турецким блоком, организованное большевиками царство бардака и террора - и они встали на сторону боровшихся против всего этого сил. Но

проиграли. Остались одни воспоминания. Как папка мой смеялся - Соберутся на белогвардейский съезд, поддадут, и спорить начинают, кто больше красных зарубил. Как я уже упоминал, он с некоторыми стариками приятельствовал - тот же Петько, например. И про то, как на одном таком "съезде" будучи во хмелю стали бороться Петько со Щербиной, и Петько поборол старого пластуна, да ещё старшего по чину - слух пошёл. Дед Антон тогда говорят сильно психовал. А было и такое, более любопытное. Друг-одноклассник Санька Егоренко, когда мы учились уже в десятом классе, рассказывал - Вчера деда своего с Щербиной разнимал. Собрались, поддали, и Щербина на деда - "запроданец, к краснюкам подался!" не растащил бы, точно подрались. Несмотря на прошедшие многие десятилетия, ничего не забылось. Жгла стариков обида на "любушку советскую власть". Внешне, конечно демонстрировалась полная лояльность, но внутри тлело. И открывались они редко и только тем, кому доверяли.

Как сейчас помню, стучу в дверь избушки деда Антона. - Это кто там? А, Серёжа, проходи, только нагибайся, притолока низкая! Приходил я и просто попроведовать старика на пару часов, а бывало, наши беседы затягивались до утра. И для соответствующего настроения брал, идя в гости, пару "огнетушителей" - так в народе звали разлитое в бутылки из-под шампанского вино. Разговор наш шёл степенно, неторопливо. Главное - надо было настроить деда Антона в нужное русло, не дать ему уклониться - А чего ты Серёжа всё про старовыну да про старовыну, а вот как женщина зачинает? Мне вот объясняли, что... Старый ловелас, он любил задеть эту тему. Но если начинал вспоминать, то уж не отклонялся.

Казак древнего запорожского рода Щербина Антон Данилович родился в 1896 году в станице Пашковской, названной казаками-основателями в честь Пашковского куреня Сечи запорожской и расположенной рядом со столицей Кубанского войска Екатеринодаром. На мой вопрос, приходится ли он роднёй легендарному историку и основателю бюджетной статистики России Фёдору Андреевичу Щербине, ответил что да, но родство дальнее. С ранних годов мечтал Антон стать офицером. Старший брат его, Андрей, поступил в военное училище, а у Антона не получилось. Родители у братьев были сиротами, достатка небогатого, и тянуть обоих братьев в офицеры не смогли. Старший вышел офицером в пластунский батальон, младший же поступил в Харьковское коммерческое училище. В Харькове жили родственники, у которых жил и столовался молодой казак. Окончание училища совпало с

началом мировой бойни, и новоиспечённый специалист в том же Харькове поступил на пулемётные курсы. Как имеющий среднее специальное образование он был произведён в вольноопределяющиеся, что давало право на получение чина прапорщика военного времени по прохождении стажа, ну а во время боевых действий производство могло произойти и раньше. По окончании курсов в 1915 году он как казак был направлен на турецкий фронт, в 7-й пластунский батальон, в котором адъютантом батальона был его брат, сотник Щербина Андрей Данилович. Антон Данилович назвал его начальником штаба, по- современному, но тогда таковой должности в полках и приравненных к ним пластунских батальонах не было, и делопроизводство вели обер-офицеры - адъютанты полка.

В мирное время пластунских батальонов было шесть. По объявлению мобилизации формировались шесть батальонов второй очереди, с седьмого по двенадцатый, и третьей очереди, с тринадцатого по восемнадцатый. Во время войны были сформированы и отдельные батальоны. Первые номера батальонов - 1-й пластунский, 7-й пластунский второй очереди и 13-й пластунский третьей очереди формировались на базе родного для Щербины Екатеринодарского военного отдела Кубанского казачьего войска, потому и шёл он служить вместе со своими земляками.

Непосредственно к части, располагавшейся под Эрзерумом, шли они уже пешком на пару с призванным приятелем-одностаничником. Перед этим они по полученному совету набили на сапоги двойные подошвы - местность была весьма камениста, было много мелких острых камней. По словам Антона Даниловича в то время одна половина батальона располагалась на турецком фронте, а другая на германском. Участвовал он в знаменитом взятии Эрзерума, в других боях, которые не прекращались. Участвовал и в легендарных ночных пластунских вылазках. Вскоре сбылась мечта, поучил чин прапорщика. Теперь он - офицер! Конечно, пластунскому обер-офицеру (младшему офицеру) конь не положен и даже не нужен, но форма и снаряжение должны быть офицерскими! Жалование прапорщика невеликое, но помогли трофеи с офицерских турецких блиндажей. Из личного оружия ему выдали американский кольт, тяжёлый семизарядный пистолет, поставляемый союзниками. Но кольт он выменял на наган у старшего брата, уж больно новоиспечённому офицеру наганы нравились. А шашку приобрёл "булат с подвызолоткой". Как отмечал в своих написанных в эмиграции известных мемуарах казачий кубанский полковник Фёдор Ильич Елисеев,

кавказский казачий офицер жил небогато, но мог себе позволить три пары (шашка и кинжал, как правило в серебряной оправе, скромной либо богатой) офицерского казачьего холодного оружия. Новоиспечённому прапорщику, да во время войны, было не до оружейных перемен, но необходимый комплект был отменен. Шашка видимо была изготовлена оружейниками Владикавказа, а может и старых тифлисских мастеров, булатная, конечно, к слову - это уже была редкость, но изготовленные клинчниками из отменной стали клинки превосходили клинки из так называемого "дамаска" - сварного булата, который старые тифлисские мастера, которые к концу XIX века уже перевелись, вставляли только на обух, для гибкости и прочности. И сияла позолота шашки молодого офицера на пару с новенькими золотыми погонами с малиновым просветом. У пластунов, как и у казачьих офицеров-артиллеристов, прибор был не серебряный, а золотой - и погоны, и галуны. Но суконный прибор у пластунов был не алый, а малиновый, как у стрелков. И только у рядовых пластунов, похвастался он мне, из всех казаков верх папахи был с крестом - малиновой выпушкой по шву четырёх сшитых черных суконных клиньев. У всех остальных казаков верх папахи был чистым, по приборному войсковому цвету, только у урядников швы обшивались белой тесьмой. А также казаки вшивали в бока чекменя (старый казак пояснил мне, что черкеска у казаков была в старину - с длинными откидными длинными рукавами и прочими украшениями - это то, что мы зовём кунтушом, а старинная походная одежда - приталенный кафтан с обычными рукавами и расклешённым широким подолом, по старинному казацкому крою, по станицам звалась традиционно чекменём. И папаху звали традиционно шапкой. Это к вопросу кто у кого что перенял. А крючки служили для поддержки узкого наборного пояса, на котором висели кинжал, револьвер, а зачастую и шашка, если пояс был комбинированным. "У армейских офицеров пояс широкий, да две портупеи как подпруги, а у нас узкий ремешок, и всё на нём висит, но с крючками надёжно было" - объяснял он мне. А шашки и кинжалы снаряжаемым на службу казакам до централизованных поставок клинков из Златоуста, как уже ему рассказывали старики, покупались на "азиатском" базаре в Екатеринодаре - "Сидят продавцы кавказские, а у них кучками шашки и кинжалы разложены, сыны с отцами идут - мне оция шабля нравится, а мне оция".

Не только шашка была славная, но и владелец неплох. Случилось у офицеров батальона кавказское "алаверды" с офицерами драгунского полка

Кавказской инспекции. Кавказские драгуны имели богатые боевые традиции, да и шашки у них тоже были штучные, в серебре, только несколько иной формы. И после нескольких тостов заспорили господа офицеры, кто лучше рубит. Куда мол до нас казакам, а пластунам тем более. Разгорячённый наш герой и заявил им - А кто, господа офицеры, бурочку мою на воде разрубит? И бросил бурку в имеющийся неподалёку водоём. Уж кромсали они её кромсали, и всё никак, только поизрезали всю. Тогда хозяин этого несчастного предмета своего снаряжения подошёл и одним ударом раскрыл бурку пополам. При этом мой рассказчик, сидя на стуле, упал вправо и резко потянул во всю ширь рукой вдоль пола. Несмотря на годы, произошло это у него автоматически и легко. Это был тот знаменитый отработанный веками рубяще-режущий удар, которым гордились казаки. Правда, нынешние "знатоки" говорят, что такого быть не могло, потому что невыполнимо... Воевали пластуны лихо, как говорил мой рассказчик, турки особенно боялись боевых столкновений с пластунами и сибирскими стрелками. Согласно документам, на Кавказском фронте числились не сибирские, а туркестанские стрелки, части которых формировались из жителей южноуральских и южносибирских степей, значительная территория которых сейчас отошла Казахстану. Но для казаков Кавказа они тоже были представителями далёкой Сибири. Но тем не менее мой информатор подчеркнул, что турки сражались храбро и упорно, чего нельзя было сказать о частях, формируемых из армян и грузинов - Турки по ним ударят, бить начнут, они и бегут сломя голову, а нам фланги стягивай, стой насмерть - спустя многие годы сетовал он.

Потом были сломавшие все их подвиги и жертвы и поломавшие личные планы и образ жизни "безкровная" Февральская и "Великая Октябрьская" революции. Фронт развалился, казаки уходили в родные хаты последними. Ещё в апреле 1917 года была создана Кубанская войсковая рада, возродившая традиции старинной казачьей демократии. В октябре 1917 же года она была преобразована в Кубанскую областную раду, куда входили представители казачьего, горского и иногороднего, крестьянского и мещанского населения. Но уже с начала нового, 1918 года, началась активная большевизация Кубани, чему способствовали распропагандированные большевиками возвращавшиеся с турецкого фронта пехотные части. Начались беспричинные, зачастую зверские убийства возвращавшихся с фронта офицеров, расстрелы казаков в станицах, погромы

и убийства в совершенно мирных к тому времени черкесских аулах. Щербина, к тому времени уже хорунжий, сразу же вступил в военные формирования Рады, бывшие под командованием произведённого Радой в генералы бывшего военного лётчика Покровского, концентрировавшиеся в Екатеринодаре. Потом были вынужденное оставление Екатеринодара, объединение с Добровольческой армией Корнилова, его гибель и отступление. Соединившиеся с отрядом Корнилова кубанцы также считались участниками 1-го Кубанского (Ледяного) похода. Повезло мне наткнуться на изданную в Екатеринодаре в 2013 году книгу Евгения Горба "Кубанский список", в которой на тридцать девятой странице нашёл знакомую фамилию: "31.Щербина Антон Данилович, удостоверение № 2841 ККПВД, знак №3257, роспись в получении (12. 09. 1919), хорунжий".

А затем полыхнула вся казачья Кубань, и одновременно с нею Дон, Терек, астраханские казаки. То же самое происходило и в других казачьих войсках. Бывшие ранее в большинстве своём нейтральные и занявшие выжидательную позицию казаки не внесли людоедскую политику "мирной" советской власти, осуществлявшей плановую травлю и массовые убийства и насилия казачьего населения. Положение осложнялось отношением с пришлым иногородним населением. Мина эта была заложена, явно специально, царским правительством. По окончании Кавказской войны было разрешено без согласования с казачьей администрацией поселяться на Кубани (да и в других казачьих областях тоже, после отмены крепостного права) самодеятельным переселенцам. И потянулись на Кубань переселенцы из центральных и южных районов России, восточных и центральных областей Украины. В Пашковской, по рассказам Щербины, преобладали переселенцы с исторической родины - востока Украины - "И язык был один украинский, и песни пели одни и те же, а дралыся мы, молодёжь, с хамселами (иногородними) як собаки"! Были, хоть и не так много, и красные казаки. Если не было чужаков и с той, и с этой стороны, то съезжались и переругивались, прямо как в художественно-документальном романе Артёма Весёлого "Россия, кровью умытая", написанном автором, участником войны, на основе личных впечатлений и тщательно собранного материала.

Воевал лихой казак и под началом Покровского, к которому относился весьма скептически и считал чужаком-выскочкой (как оно и было на самом деле), и под началом любимца кубанцев генерала Бабиева. -Серёжа, а

видкиля Бабиева знаешь? Вот генерал был! И последовал рассказ, каким образом тот наматывал повод на правую, покалеченную руку, шашку в левую - и в атаку - марш-марш!!! Про Шкуро отозвался так, между прочим - Видал Шкуро, ось такой малэнкий бул - и показал рукой от пола. Рассказал он и интереснейший эпизод, происшедший во время повторного освобождения Дона от красных, когда весной 1919 года вспыхнуло знаменитое Верхнедонское восстание и кубанские полки были брошены на помощь прорывающейся к восставшим Донской армии. К сожалению, не записывал рассказы старого ветерана, даже не предполагал тогда, что уже в нашу бытность можно будет сказать правду о нашем советском прошлом. Эпизод этот произошёл то ли во время боёв на Маныче, то ли под Батайском. Так вот, на удержание верхнедонских станиц, полыхнувших восстанием в ответ на массовый террор, расстрелы и грабежи "народной" власти, к которым большевики приступили после того, как после развала Царицинского фронта казаки разошлись по домам, красными были брошены крупные силы. Остриём их удара были конные корпуса Думенко и Будённого, под прикрытием многочисленной мобилизованной пехоты теснивших донскую кавалерию. Кавкорпус Будённого (1-я Конная армия на его основе будет сформирована на его основе в ноябре 1919 года) опрокинул донской кавкорпус и уверенно продвигался вперёд, в лоб ему был брошен 1-й Кубанский кавкорпус (если не путаю, Антон Данилович рассказывал подробно). Персонаж будущих советских песен и легенд лично развернул и повёл свой конный корпус в атаку, как тогда широко практиковалось и красными, и белыми кавалерийскими начальниками. Прикрывал его справа, слева и сзади эскадрон отборных головорезов. Был у меня товарищ, дед которого, бывший донской подъесаул, служил в его личном конвое. Показывал фотографию деда в парадной офицерской форме, смеялся - Видел бы ты групповое фото его телохранителей, сытые ребята, лица одного другого шире. Родственники рассказывали, хвастал он - знатно погуляли с Будённым.

И этот самый отборный эскадрон был размётан и порублен. На Будённого вышел один на один хорунжий Чёрный, который на полном скаку выбил у него первым же ударом шашку. -Конь добрячий под Будённым был, он с ходу развернулся и драть, Чёрный за ним, весь барабан нагана в него выпустил, только руку зацепил ему. Потом аж о землю бивсь - чого ж я цию

сучку усатую нэ зарубал! И Антон Данилович добавил - сам я в донских хуторах видел шестнадцатилетних девочек, которых Будённый изнасиловал.

Отучили Семёна Михайловича впереди полков скакать, сабелькой помахивая. Помню, в 1968 году, в связи с пятидесятилетием 1-й Конной армии, печатали много материалов и воспоминаний, радио и газеты брали интервью у её бывшего командарма. Престарелый, но бодрый восьмидесятичетырёхлетний маршал (доживёт до девяноста) хвастался, что его невозможно было зарубить, равных ему не было. В офицерской кавалерийской школе, где он был на унтер-офицерских курсах наездников, был преподаватель фехтования, чемпион России, но и того он побеждал. По юношеской непосредственности я поверил, поделился с отцом. Тот рассмеялся - Все кавалеристы хвастливы, повезло Сёме, просто не нарвался, у белоказаков рубак-то было, пополам бы походя развалили. Как же, всю Гражданскую первым в атаку на конике... врёт.

К слову, Будённый был фигурой весьма противоречивой. Будучи кавалером двух солдатских георгиевских крестов, навесил на себя ещё два и четыре медали и объявил себя полным георгиевским бантом, исследователи подробно разобрали эту фальсификацию. Храбрость и упорство в боях перемежались буйными загулами и грабежами, характерный пример - коллективный запой всей Конармии после взятия Ростова в январе 1920 года. Но вместе с тем известна масса случаев, когда в тридцатые-сороковые годы благодаря именно заступничеству Будённого было спасено от карательной чекистской машины много людей, от комкора Рокоссовского до бывшего командира эскадрона повара ресторана Чекана, отца знаменитого артиста Станислава Чекана. Того же деда моего товарища не тронули ни по делу "Весна" в 1928-31 годах, когда было снято с должностей, расстреляно и посажено множество "бывших" только по факту, что они бывшие офицеры, ни в период массовых репрессий 1937-38 годов.

Ставший иконой героизма и олицетворением Красной Армии, красный маршал пользовался особым покровительством вождя, и следует согласиться, в оперативной обстановке в начале Великой Отечественной он разбирался лучше многих сталинских полководцев, за что был ими заклёван, обвинён во всех их же грехах и направлен был с фронта на почётную синекуру инспектора кавалерии. В 1945 году он объезжал все кавалерийские корпуса, подлежащие расформированию и сильному сокращению после

войны. Старые казаки-ветераны стоявшего в Чехии 4-го казачьего кавкорпуса обратились к маршалу с просьбой забрать с собой на демобилизацию конский состав корпуса, ведь после конской мобилизации и оккупации колхозы обезлошадили, работать не на чем. И маршал пробил такое разрешение. Свидетель этого отмечал, что некоторые кобылы жеребились на дороге, и старые казаки несли жеребят на руках. Так сравнимо ли это с современными клоунами, увешанными погонами и бляхами, и называющих себя казаками?

Начитавшись писавших о Гражданской войне советских классиков, я спросил у моего друга Антона Даниловича, а правда ли, что в Гражданскую донские казаки враждовали с кубанскими, дело даже до боёв доходило? Брешут ответил он. Воевали вместе, за одно дело, если конечно они, запроданцы, у красных были - это уже другое. И рассказал мне стих, которым учили казачат в приходской школе. Суть его - Дон старший брат, Кубань - старшая сестра, а Терек - их младший братишка, и живут они все дружно. Спросил я как-то также во время нашего застолья, вспомнив написавшего ряд книг о Гражданской войне на Кубани популярного в своё время советского писателя Аркадия Первенцева, автора известной повести "Кочубей" - А правда ли, что черкесы были, со слов Первенцева, "сметанниками" (старинное определение, в бой не хотят, а пограбить бы)? - Кто, черкесы? Глаза деда Антона сверкнули, резко выпрямился на стуле, и вдруг дико взвизгнул, крутанув кистью руки над головой, у меня волосы дыбом встали - И -я -я яй- я!!! -Брешет этот писака, вместе с нами поднялись черкесы! А как лихо в атаки ходили! Николи не отступали! Ты ж Казима знаешь, честнейший человек, и если с тобой пошёл - никогда не предаст. Это Деникин там из других кавказцев на вербовал, которые и воевали, но куда до черкесов, а которые только пограбить.

Однажды, когда наша встреча происходила с застольем, старый казак после первого стакана вина, подумав, сказал - И чего же я, Серёжа, за красных не пошёл? Одного ж года с Жуковым, тоже б генералом стал. Тяжело он переживал крушение своих былых надежд, видимо много думал об этом. Но через два стакана уже сама тема стать "запроданцем" становилась ему неприемлимой - А может, ще наши придуть, привёл бы ты кого, кто недавно с Кубани, поговорить. Ну а когда кончилось наше застолье, провожая меня, он убеждённо воскликнул - Наши ще придуть! Интереснейший был старик.

Привёл я ему моего хорошего приятеля грозненца Витька Гупалова, классного бульдозериста, приехавшего на заработки на Васюган, благо тут его старшая сестра с мужем в экспедиции работали. После армии Витя работал шофёром, объездил весь Кавказ, и две родные тётки на Кубани в станице жили. Расспрашивал Антон Данилович его с интересом, долго. Ну что, населения много пришло, кругом колхозы, но ещё хоть и немного, но сохранилось старое население. Родная Пашковская? Сейчас фактически пригород Краснодара. Старик хоть иного и не ждал, зато душу отвёл. Кстати, был такой случай. Пошёл на северную пенсию, в пятьдесят пять лет, в 1970 году сосланный вместе с родителями подростком работник местного лесхоза. На болотах леса мало, посматривай да домашними делами занимайся. Как уже упоминалось, большинство ссыльных были люди хозяйственные и трудолюбивые. Так вот, пойдя на пенсию, решил он вернуться на родину, на Кубань. Дети взрослые, разъехались, сами с женой ещё в силах. Распродали всё, уехали. Через год ровно вернулись обратно. Спрашивают, что же так-то, ведь так рвался! Ответил - Всё не то, и люди не те. То не Кубань, то Краснодарский край. Если бы миллионы таких семей не вырвали с корнем из родных гнёзд, разве бы закупала страна пшеницу в Канаде, а мясо в Австралии!

Ну а молодой сотник (утверждали, что это его последний чин, но на как-то заданный мой вопрос он ответил, что в самом конце боёв на Кубани ему был присвоен чин есаула, и это вполне может быть. Чин подъесаула Кубанской радой был упразднён, и из сотников производились сразу в есаулы. Да и чины перед крахом раздавались щедро) Щербина был брошен на заклятие большевикам мудрым командующим Добровольческой армией в апреле 1920 года вместе со всей Кубанской армией. Не были предприняты попытки (кроме частных случаев) эвакуации Донской и Кубанской армии, запертых на черноморском побережье, в Крым, кубанцам Антанта ("союзнички"!) перекрыла все возможности даже отступления в Грузию. Об этом подробно написано в воспоминаниях того же кубанского полковника Елисеева. Ну а нашему герою удалось избежать плена, скрыться. Умудрился даже устроиться в милицию отдельской станицы Баталпашинской, ныне город Черкесск, где как грамотный и дисциплинированный совслужащий он к 1927 году дослужился до начальника этой милиции, благо на верхней Кубани его не знали. Но как верёвочка не вейся... В том же 1927 году он был разоблачён и выслан в Сибирь. Бывшему белому офицеру страшно повезло, в этом году

шло заигрывание государства с казаками, разрешили носить казачью одежду, на Кавказе даже с кинжалами, петь казачьи песни (выходит, даже это после 1920 года запретили), и поэтому его просто по этапу выслали на поселение на север нынешней Омской области. В следующем, 1928 году, политика партии и правительства резко изменилась. На юге страны началась подготовка ко всеобщей коллективизации, по станицам велась тотальная чистка, и наш герой был бы отправлен не в Сибирь, не в центральную тюрьму административного центра всего тогдашнего Северо-Кавказского края города Ростова, где его дни вскорости и закончились бы.

Но и в Сибири бывшему белому офицеру не дали жить спокойно. Тему о том, что было с 1927 по 1956 годы со ссыльным офицером, я старался не затрагивать. Старик сразу мрачнел, замыкался. Но вот удивительное совпадение. Ещё один мой друг-одноклассник Олег Калугин, сын геолога и внук заслуженного чекиста был родом из Омской области, откуда их семья и переехала в Новый Васюган. Дед Олега в двадцатые годы был командиром отряда ЧОН на севере современной Омской области. И Олег рассказал мне со слов деда, что вскоре после водворения на поселение начали применять более суровые меры к выжившей "контре". Ведь, согласно сталинского учения, с продвижением к социализму усиливалось сопротивление внутренних врагов, а тут и всеобщая коллективизация сельского хозяйства началась. А с коллективизацией и операция ГПУ "Весна", в ходе которой была арестована масса офицеров, как служивших честно и беспорочно в РККА, так и бывших белых офицеров, а заодно и просто офицеров старой императорской армии, остававшихся нейтральными в ходе всех прошедших событий. Кого-то расстреляли сразу, кто-то сгнил в лагерях. Естественно, корпус красных командиров был уже не тот. Выработанные за два века знания и традиции исчезли. А германские революционные солдаты и матросы своих офицеров в 1918 году в водах Балтики не топили, офицер для них был знаковой фигурой...

Арестованному дедом Олега удалось уйти из-под стражи, и якобы он возглавил (опять же со слов Олега) небольшой, но крепкий отряд "бывших". Естественно, этот отряд просуществовал недолго. Щербина был арестован и посажен в деревянный сарай. И дед Олега якобы утром собирался его, лютого вражину, повесить. Но утром сарай оказался пуст, а у часового сломана шея. Ещё один чоновец был заколот штыком часового. Погоня по горячим следам ничего не дала. Именно по следам, дело происходило

зимой. Матёрый пластун следы запутал и ушёл. Узнав уже в шестидесятые годы, что Щербина жив-здоров, заслуженный чекист, как рассказывал мне Олег, возбудился, обещал приехать и добить "контру", но Господь прибрал его гораздо раньше старого врага.

Всё это происходило в районе старинного сибирского города Тары, за Тарой на север начинаются дремучие Васюганские болота. Так и сгинул беглец. Но и в этих болотах жили люди - издревле проживавшие здесь ханты, забившиеся в глухие заимки староверы. Недаром ведь у старика было два сына - от кержачки и от хантыйки. В пятидесятые годы он один проживал в верховьях Васюгана на маленькой Пашковской заимке, получившей такое наименование в честь родной станицы Антона Даниловича. Для пропитания ходил с ножом на медведя. Рассказывал мне один мой старший товарищ, сын ссыльных - Заехали мы на Пашковскую заимку как-то к Щербине, сел я на нары на медвежью шкуру, а там блох...

Последний раз я пообщался со стариком в сентябре 1979 года, перед переездом в Томск. Пошли мы с женой и приятельницей за брусничкой. Брусничные места были на гривах по дороге на Чёрные озёра, которая начиналась сразу за его избушкой. И хозяин избушки, опираясь на клюку, стоял неподалёку. Несмотря на сильно севшее зрение, меня узнал ещё на подходе, заулыбался. Дамы пошли дальше, а я, естественно, остановился поговорить. Старик посетовал, что я давно не заходил, я оправдывался - семья, ребёнок. Кинув взгляд на удалявшихся ягодниц, спросил - А твоя какая, худенькая или пухленькая? Я рассмеялся - Ну Антон Данилович - слепенький-слепенький, а женщин ещё различает! Поговорив ещё немного, я побежал догонять удаляющихся ягодниц. На следующий год в декабре 1980 года я приехал в отпуск к родителям. Вечером мама мне сказала - Огорчу я тебя, сынок. Друг твой, дед Антон Щербина, умер в ноябре.

Много разговоров было в своё время об изучении истории сталинской ссылки и репрессий в Томской области, об экспедициях для опроса последних стариков, о написании подробной истории этой жуткой страницы нашей страны. Оказалось, не нужно, зачем очернять память "великого менеджера" и его подручных, давайте забудем. Но всё-таки силами энтузиастов-историков и одного филолога удалось создать музей жертв политических репрессий в Томской области, как филиал Томского

краеведческого музея. Дай-то Бог чтобы он продолжал своё существование,
а то нынче стало модным перепрофилировать подобные музеи...

02.07.2020

Зинченко С.Н.